

ТЕАТР

крик, а «Вишневый сад» обернется трагической эксцентрикой Шарлотты. Возникнет хоровод пародийных масок: княгиня Бетси в «Карениной», Бетси в «Плодах просвещения»... Жесткая графика актрисы.

Я вспоминаю дипломатический поединок А. Степановой в роли Чрезвычайного Посла Советского Союза (в пьесе она была Кольцова) с королем одной северной страны.

Кольцова, приняв предложенную королем игру в отточенные светские афоризмы, выигрывая ход за ходом, убеждала своего далеко не глупого партнера в целесообразности сотрудничества. Побеждали идея и женщина новой России! Актриса вела нас в мир судеб и характеров сложных. В ее вершинных созданиях неизменно интересовали существо человека и та «роль», которую он играет в жизни.

Знаменитые Пат Кэмпбелл и королева Англии Елизавета — в сущности, это были две актрисы, две комедиантки. Одна играла на сцене, другая — на прощениуме истории, одна под конец жизни едва сводила концы с концами, другая — раздавала замки фаворитам.

Подумайте! Из-за бриллиантов, версальских маскарадов и пиров этой «австриячки» умирали от голода французские дети. Ее казнил народ Франции. И что же? Она прелестна? Может быть, и вам жалко Антуанетту, чью лучезарную женственность воспевали придворные поэты?

Вот Фрейндлих уселась на станок, покрытый соломой, прислонилась к спине актера, изображающего «стук копыт по мостовой». Уныло ударил колокол, и она тронулась в свой последний путь — к гильотине. Сен-Жюст — кажется, говорил, что она должна была «жить позавчера». Она умирает, эта королева, так и не познавшая ни «своего» народа, ни своих преступлений.

СТРЕМЛЕНИЕ помочь, спасти не только человеческую жизнь, но исполнить, если возможно, самые причудливые желания человека, скажем, привести землю с его родины, поставить памятник его любимой лошади, или еще что-нибудь в этом роде, составляет жизненную программу одной странной дамы, которую мы уже несколько лет знаем под именем миссис Сэвидж. Помните? Собственные дети поместили ее в сумасшедший дом за то, что она решила создать свой «фонд счастья». Познакомились с ней писатель Джон Патрик, удивительная актриса Фаина Раневская. Если я сейчас возвраща-

Победы. Его отблеск мы прочли на лице, которое сразу узнали и признали. То была Великая безвестная русская женщина, что везла в тыл станки в одном из военных эшелонов и нашла воплощение в естественном героизме, угаданном Аллой Покровской и ее подругами по «Эшелону» в «Современнике».

Рядом с ватниками, платками, с насмешками одержимой шуршали в этом году на сценических подмостках парижские туалеты Раневской из «Вишневый сад». Алла Демидова жила в роли в каком-то судорожном, «наркотическом» ритме, прикрывающем боль. И он, этот ритм, сотрясал в финале спектакль, и мы еще раз убеждались в том, на что способна так называемая «сдержанная» современная актерская школа.

В эту же пору металось на сцене прекрасное существо с «врубелевскими» глазами, потонувшее в унынии уездной России (Сарра — Инна Чурикова в «Иванове»). И шла в прозрачной свадебной процессии несостоявшаяся невеста гоголевской «Женитьбы» Агафья Тихоновна — Ольга Яковлева.

красными. Какая нравственная сила, самостоятельность и нестигаемость! ...С младенческих лет нашей драмы у нас было немало пьес, носящих даже в названии своем современную женскую судьбу: «Инга», «Виринея», «Таня», «Машенька», «Барабаница»... И какие роли! От Комиссара «Оптимистической» до Вальки-дешевки с Ангари... Продолжим этот список. Дело, разумеется, не в названии, а в сути. Призванные Временем и Талантом, к драматургам придут наши актрисы, придут, быть может, новые Асенковы, Стрепетовы и скажут, как недавно говорила в одном хорошем фильме очень славная дебютантка: «Мне кто-то позволил, — скажут они, — вот я и пришла»...

АКТРИСА! Я вспоминаю стоящую на сцене среди цветов в день своего восьмидесятилетия великую трагическую актрису Алису Коонен. В ее руках был тогда веер Ермоловой. Ермолова передала его Яблочниковой, Яблочкина — ей. Я не знаю, где он сейчас, этот ермоловский веер. Наверное, в музее. Может быть, мы увидим его скоро в руках одной из наших актрис...

Виктор КОМИССАРЖЕВСКИЙ

АКТРИСА

ПРЕКРАСНЫМ ЖЕНСКИМ ОБРАЗАМ, РОЛЯМ, СОЗДАННЫМ В МИНУВШЕМ ГОДУ АКТРИСАМИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ, ПОСВЯЩЕНЫ ЗАМЕТКИ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВ РСФСР В. КОМИССАРЖЕВСКОГО.

И вот теперь, в этом сезоне — снова актриса. Этой ролью Степанова встречает свой артистический праздник. Творчество, «сладкоголосая птица юности» всегда жива, если живет искусство.

...Старейшая «суперзвезда» Александра дель Лаго, созданная Теннесси Уильямсом, в полной мере обладает тем сложным клубком качеств, что так привлекают актрису. Недаром у звезды два имени — Александра и Принцесса Космополис! Последнее должно быть написано гигантскими электрическими буквами на небе Бродвея! Оно так и пишется. А если оно потухнет? Проклятые годы! Ее «крупные планы» становятся ее «предателями» и «убийцами».

Ей кажется, что ее последний фильм безнадежно провалился. Скорей в машину. Бематы! Куда? Не важно. Вся ее жизнь — беги! В любую минуту ты можешь полететь под откос, к черту. Кажется, это уже случилось! Скорей! Героин или что там... Кислород, скорей кислород!

Сейчас в этом проклятом городке на юге, в Сант-Клауде, где она остановилась, ей очень больно. Александра дель Лаго еще не знает, что ей суждено воскреснуть, ибо провала нет, есть триумф. Финальная сцена спектакля — виртуозный телефонный разговор с Нью-Йорком, где смятение поначалу прикрывается капризной интонацией «голливудской звезды». Затем неожиданное известие: триумф!

И первые человеческие слезы Степановой — Александры дель Лаго в спектакле...

ЗА ПОКОЛЕНИЕМ Степановой пришли другие поколения актрис: Алиса Фрейндлих, «Ковалева» из провинции. Играла Фрейндлих. Я видел в Ленинграде этот спектакль, где хрупкая сероглазая женщина рассказывала зрителям, ничего не утаивая, один день своей жизни, день судьи, день трудного приговора, день своей любви, своей судьбы.

Областной прокурор, демагог и карьерист, видевший в каждом лишь потенциального преступника, обвинял Ковалеву в вынесении, неправедного решения, в незнании основ профессии, да еще к тому же в неблаговидном поведении в жизни. «Неблаговидность» заключалась в том, что она, Ковалева, позволила себе появиться на катке в какой-то легкомысленной красной шапочке и, кажется, прохладным летом встретилась на пароходе с одним знаменитым женатым хирургом и полюбила его. Нет нужды, что она старается сама убеждать от этой любви, и, быть может, напрасно. Судьбе этого не полагается! Как бы чего не вышло. Что же касается «незнания основ», то оно кроется в том, что для Ковалевой самое «незастыдное дело» сводится к чести и достоинству человеческого имени. Справедливость — нелегкое ремесло! В этом ее никто не разубедит. И Ковалева — Фрейндлих несет на себе этот каждодневный труд и подвиг профессии, хотя и плачет порой, когда невмочь, совсем по-детски.

Какие оглушительные метаморфозы доступны этой актрисе!

Почти ничего внешне не изменив в себе, она, накинув на плечи какую-то кружевную накидку и взяв в руки бездельницу, стала в спектакле-концерте «Люди и страсти» королевой. Став ею, она, словно по волшебству, наткнутой под самым куполом цирка, пошла по пути острейшего решения.

В. МАРЕЦКАЯ в спектакле «Странная миссис Сэвидж»

А. СТЕПАНОВА в спектакле «Сладкоголосая птица юности»

А. ФРЕЙНДЛИХ в спектакле «Ковалева из провинции»

юся к этой истории, то делаю это потому, что у нее возникло не менее волнующее продолжение: в роли этой прекрасной дамы выступила Вера Марецкая.

...Изящная шляпка из черных птичьих перьев, чуть лиловатые седые волосы. Да, лиловатые. Если это ей идет, почему миссис Сэвидж не может их сделать такими?

Настороженные, темным огнем опаленные глаза, когда она входит на сцену: «Для кого этот дом?» Постепенное узнавание, лязг железных затворов, признания больных. Поняла! Замкнулась. Человек должен достойно и артистично перенести свои страдания — таков первый круг роли.

Второй акт проходит под знаком эксцентриады. Ну, хорошо же, она прочит своих наследников, занятых лишь поисками ее «золотого фонда».

Миссис Сэвидж пускает алчных свиней по ложному следу, и в глазах ее пляшут такие лукавые, озорные черты, что совершенно невозможно не узнать молодую Марецкую. «Сладкоголосая птица юности» снова поет в душе актрисы. У нее действительно есть свой «фонд счастья» — для тех, кому дорог театр.

СЛОЖНОСТЬ исследования стала сегодня одним из девизов советской актрисы. Вспомним хотя бы Пелагею — Славину в абрамовских «Деревянных конях» — какая сложность характера! Профессия у нее вроде бы невидная: печет хлеб в одном из северных сел. Молодость у нее была трудная, голодная — война! Вот и вцепилась она теперь в женские тряпки, маяется с хворым мужем, угодничает перед начальством, боится за свое место у печи... Но вот встала она у печи этой, упали на нее отблески жаркого печного пламени — и как будто сгорели ее грехи. Дарующая хлеб! Похоронила мужа, дочь Аля уехала в город, тоскует Пелагея... Последний, предсмертный монолог З. Славинной исполнен этих, подымавшихся вдруг из глубины тоски, обиды и гордости, да, гордости за свои руки, за свой хлеб, что она пекала для людей, день за днем — всю жизнь.

Я оглядываюсь и вижу прекрасные лица актрис, подымавших светильники поэзии театра — поэзии гротесковой, трагической, лирической, но неизменно служившей делу жизни.

Самым главным светильником этого года был Вечный огонь тридцатилетия

Почему так хмуро движется эта процессия, скорее похоронная, чем свадебная? Да потому что здесь хоронят, отпевают любовь.

И такая снверность кругом: какая-то химическая, деловая кутерьяма, хотя в ней и участвуют вроде бы одинокие и по-своему несчастные люди. «Мне стыдно», — шепчет она. Но никто не слышит этого шепота. Примериваются, трогают руками ее сезенки: настоящие ли? Ее душа выберет Поднолесина, и ему вроде кажется, что он ее выбрал. Но, «право, такое затруднение — выбор». Вот он и выскочил в пустоту, в дыру, в ничто... А она, оскорбленная, брошенная, словно ненужная вещь, будет стоять в своем свадебном наряде, прислонившись к порталу, мертвая от позора и обиды, как Беспреданница. Был бы рядом Карандышев, подставила бы грудь под пулю...

На сцену, в жизнь стремительно входят сейчас новые актрисы...

Марина Неёлова! Она много сыграла за этот год в «Современнике». Даже спектакль Виолу в «Двенадцатой ночи». Но ее Виола пронеслась мимо меня, почти и не задев сердца. Я так и не понял, любила ли она Орсино. Но в чем смысл всех ее приключений и метаморфоз? Только в комедийной неразберихе? А между тем с ее первого фильма, с «Монолога», стало очевидно, что Неёлова пришла в кино и театр как раз для того, чтобы сердца задевать, беспокоить, покорять и своей незащищенной доверчивостью, и заразительностью.

Вот почему она была так хороша в случайном как будто бы «вводе» в одну из «Четырех капель» В. Розова.

Мне запомнилась эта школьница с бледным и очень серьезным лицом, охрипшая от волнения перед решающим для нее разговором. Она пришла в кабинет орущего на своих подчиненных хама защищать достоинство своего отца. Мне запомнились ее длинные руки. Из неуклюжих они превращались в гордые и изящные, когда она говорила о вещах, которые ей казались пре-

В. МАРЕЦКАЯ в спектакле «Странная миссис Сэвидж»

А. СТЕПАНОВА в спектакле «Сладкоголосая птица юности»

А. ФРЕЙНДЛИХ в спектакле «Ковалева из провинции»

